

Даранат

**Буддизм, его догматы,
история и литература. Часть
3. История буддизма в Индии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д20

Д20 **Даранат**
Буддизм, его догматы, история и литература. Часть 3. История буддизма
в Индии / Даранат – М.: Книга по Требованию, 2016. – 310 с.

ISBN 978-5-518-08076-8

ISBN 978-5-518-08076-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

роны и сторона археологическая, антикварная т. е. по прошествіи долгаго времени послѣ своего существованія, когда стали стараться выяснить это существованіе, не паткнулись будд'исты на рассказы Грековъ объ ихъ прежнихъ сношеніяхъ съ Индіей, не попались ли имъ памятники въ родѣ оставленнаго Піядаси, смыслъ котораго и они могли понимать также неясно, какъ нынѣшніе ученые, и не старались ли связать со всѣмъ этимъ своей исторіи ¹⁾.

Точно также мы не беремся рѣшить какую достовѣрность должно придавать разсказу Даранат'ы о позднемъ появленіи Панини. По общему тону будд'изма эта дата казалась бы не поздней, потому что письменность, неизвѣстная ему вначалѣ, не могла быть усвоена имъ позже другихъ, такъ какъ этого требовали выгоды самой религіи. — Ученые не пропустятъ конечно безъ вниманія легенду, разсказываемую Даранат'ой о томъ, какъ Ашока посылалъ письмо къ драконамъ, они взвѣсятъ лучше часть, нужно или нѣтъ видѣть въ этой легендѣ то впечатлѣніе, которое произвело на народъ значеніе неизвѣстной ему дотолѣ грамоты, которая въ силахъ приказывать возвратить захваченныя сокровища. Они знаютъ также конечно какую силу имѣютъ въ мистическомъ ученіи буквы, ихъ созерцательное передвиженіе, ихъ поглощеніе внутри себя, имъ предоставляется рѣшить не участвовало ли въ этомъ опять первое ознакомленіе съ грамматой, которая, дѣйствительно, въ глазахъ незнакомыхъ съ ней, но уже привыкшихъ размышлять, имѣвшихъ гражданское развитіе Индѣйцевъ, должна была показаться въ свое время болѣе удивительнымъ изобрѣтеніемъ, чѣмъ телеграфы, внушающіе нынѣшней толпѣ вѣру въ сверхъестественную силу.

Касательно появленія въ исторіи Даранат'ы небудд'ійскихъ личностей мы должны сдѣлать только одно общее замѣчаніе. Авторъ не могъ прилетать ихъ нарочно, они должны были являться

1) Вообще Аджатапатру, Ашока и Канишка являются предъ нами въ одномъ свѣтѣ; всѣ они покровители, строятъ монументы, монастыри, которые, между тѣмъ, не могли, судя по первоначальной аскетикѣ будд'истовъ, явиться ни при первомъ, ни при второмъ царѣ; всѣ они участвуютъ, въ составленіи соборовъ, тогда какъ та же исторія, въ другой разъ, представляеть ихъ безучастными въ этомъ дѣлѣ, что наводитъ сомнѣніе даже на существованіи самыхъ соборовъ (т. е. по крайнѣй мѣрѣ первыхъ двухъ).

въ легендахъ (или біографіяхъ) о тѣхъ будд'ійскихъ личностяхъ, съ которыми они были въ сношеніяхъ. Будд'измъ вовсе не чуждъ исторической почвы, потому что видѣлъ въ исторіи средство къ своему возвеличенію; общій характеръ жителей востока, которые и донинѣ, даже въ лицѣ китайскихъ императоровъ оффиціально заявляющихъ о чудесахъ случающихся въ ихъ Имперіи, вѣрятъ во все чудесное, давалъ будд'истамъ возможность обращать исторію въ легенду, которая является всегда къ услугамъ религіи. Нынѣ не умретъ ни одинъ знаменитый Лама или Хошанъ, чтобы не писали біографіи перваго, или изрѣченія втораго. Но это ведется отъ самаго начала будд'изма. Мы вмѣемъ легенды какъ о самыхъ ближайшихъ къ эпохѣ Шакьямуни личностяхъ, такъ и о болѣе отдаленныхъ; — вѣроятно, въ свое время, этихъ отдѣльныхъ легендъ было гораздо болѣе. Хотя нашъ авторъ указываетъ, что онъ пользовался не легендами объ отдѣльныхъ личностяхъ, а цѣльными исторіями, но по тону его изложенія сейчасъ видно, что и тѣ исторіи, изъ которыхъ онъ бралъ, составлялись изъ различныхъ отдѣльныхъ біографій. Сейчасъ видно по языку и тону, что тутъ помѣщены біографіи писавшіяся въ свое время въ различныхъ школахъ, при различныхъ вѣрованіяхъ и понятіяхъ, даже можно видѣть что біографія лица болѣе позднѣйшаго была написана раньше, чѣмъ другаго жившаго въ болѣе отдаленное время — тонъ и содержаніе легенды и языкъ сейчасъ показываютъ это всякому, сколько нибудь ознакомившемуся съ будд'ійскими легендами. Чтоже касается до того, какъ ихъ узнать въ исторіи составленной однимъ лицомъ, то это очень просто — восточные писатели никогда не стараются передавать что либо ими читанное своими словами; первый текстъ, какъ онъ былъ записанъ, переходитъ неизмѣнно изъ сочиненія въ сочиненіе.

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать что легенды, передаваемыя Даранат'ой, дошли до насъ безъ всякихъ прибавленій; напротивъ, на нихъ надобно смотрѣть сквозь нѣсколько очковъ. Не будемъ, что наша исторія писана въ Тибетѣ, который перевелъ къ себѣ будд'измъ въ самомъ крайнемъ его развитіи — въ мистицизмѣ, называемомъ тантрами; потому у него не только махѣйническія, но и хінайшческія личности зачастую являются тантрійскими;

это не мѣшаетъ нѣсколько видѣть различныя напластованія легендъ на первомъ грунтѣ древняго текста. Такъ Ашваг'оша Хйнаиистъ сперва превращается въ Махайниста, а потомъ уже и въ тантриста. Впрочемъ замѣтимъ, что подъ именемъ тантрійскихъ легендъ мы не разумѣемъ всякое какое ни попало чудо, рассказанное о лицѣ; чудесные рассказы являются не въ меньшей силѣ и въ Хйнаинѣ.

Другая легендарная сторона заключается въ стремленіи все вознести въ древность т. е. въ переносѣ фактовъ съ близкаго на болѣе отдаленное время. Авторъ, напримѣръ, начинаетъ исторію мистицизма чуть не въ одно время съ Нагарджуной; дѣйствительному появленію личностей, издавшихъ какую нибудь мистическую книгу, всегда почти предшествуетъ упоминаніе о лицѣ, которому будто эта книга была уже знакома. — Но это тоже свойственно не одному мистицизму; вся будд'ійская литература, напримѣръ, составилаь такимъ образомъ. Мистики, выдавая свои тантры за ученіе преподанное будд'ой, по крайней мѣрѣ, не скрываютъ поздняго ихъ появленія на свѣтъ и мы, хотя приблизительно, можемъ даже опредѣлить самое время этого появленія, если поймемъ методу ихъ легендъ; но о махайническихъ книгахъ мы знаемъ только, что Нагарджуна выдалъ въ свѣтъ Праджнапарамиту, но въ какой редакціи неизвѣстно. Авторъ еще сообщаетъ о времени появленія 8000-ной праджня; изъ сличенія махайнической литературы китайской съ тибетской мы также можемъ вывести о не одновременномъ появленіи книгъ Майтреи. Но между тѣмъ махайническая литература такъ обширна въ дошедшихъ до насъ переводахъ на китайскомъ и тибетскомъ языкахъ, — когда появились всѣ эти книги? — можемъ сказать одно только, что, по имѣющимся у насъ даннымъ, даже по высказаннымъ сейчасъ замѣчаніямъ, которыя вызываетъ Даранат'а, можно сказать, что фабрикація махайническихъ книгъ, приписываемыхъ будд'ѣ, продолжалась до тѣхъ поръ пока сама Махайна не была задавлена мистицизмомъ, что даже многіе махайническія каноническія книги писались тогда, когда на другія, прежде появившіяся, уже написано было по нѣскольку комментариевъ. Также самое должно сказать и о книгахъ хйнаины; редакціи ихъ по крайней мѣрѣ постоянно измѣнялись; такъ тибетская виная не та, что извѣстныя въ китайскомъ переводѣ винаи всѣхъ четы-

рехъ школъ. Сѹтры тоже измѣняются, а о Аб'ид'армахъ и говорить нечего.—Мы имѣемъ указаніе, что еще чрезъ 800 лѣтъ послѣ смерти будд'ы было собраніе книгъ школы Самматія;—вѣроятно и другія школы тоже не отставали.

Однакожь вопросъ о литературѣ въ нашихъ рукахъ; когда мы имѣемъ предъ собой памятники, то уже есть возможность прослѣдить и разобрать критически въ какой послѣдовательности появлялись какія книги, даже, что вызывало ихъ появленіе. Все это не мѣшало бы сдѣлать для уясненія Даранат'ы тѣмъ болѣе, что исторія его испещрена именами, какъ книгъ, приписываемыхъ будд'ѣ, такъ и сочиненій частныхъ лицъ. Но и это пришлось предоставить работѣ будущихъ ученыхъ.

Тотъ же переносъ въ древность должно имѣть при чтеніи Даранат'ы касательно мѣстъ и даже лицъ.

Главное историческое достоянство сочиненія Даранат'ы неоспоримо заключается въ томъ, что оно въ первый разъ знакомитъ ученый міръ съ совершенно неизвѣстными до сихъ поръ личностями и личностями въ такую эпоху, которая можетъ быть безошибочно названа исторической; если нельзя начинать эту эпоху уже со времени Нāгārджуны, то, во всякомъ случаѣ, она можетъ быть ведена отъ Арьясагги. Пространство времени, занимаемое этой эпохой до полного исчезнованія будд'изма изъ внутренней Индіи, должно полагать свыше тысячи лѣтъ и до сихъ поръ мы не знали почти ни слова объ этомъ времени, особливо о томъ, что происходило послѣ путешествія знаменитаго Сюаньцзана, который еще сообщаетъ кое какіе намеки на счетъ различныхъ личностей. Сравненіе ихъ съ исторіей Даранат'ы, воспроизведеніе тождества нѣкоторыхъ, восящихъ у того и другаго автора, можетъ быть, различныя названія, лицъ займетъ, по нашему мнѣнію, ученый міръ и облегчитъ изученіе этой эпохи. Мы, въ первый разъ у Даранат'ы только, узнаемъ послѣдовательно шагъ за шагомъ, какіе дѣятели выступали въ будд'измѣ, какіе являлись у него покровители и враги, какое направленіе принимаетъ его богословская дѣятельность. Намъ нечего подсказывать ученому міру, что если выставляемыхъ нашимъ авторомъ чародѣевъ со всей смѣшной для насъ легендарной обстановкой разоблачить, то они

окажутся тоже тружениками, писателями, хотя пошедшими по совершенно новой дорогѣ, которую они расчистили однакожь изъ проложенной уже прежде нихъ другими будд'истами тропы. Мы говоримъ о мистицизмѣ, проявившемъ въ полномъ и чудовищномъ развитіи такъ называемыя начала созерцанія.

Извѣстія, сообщаемыя Даранат'ой о сказанной эпохѣ, имѣютъ за собой всю видимость достоверности. Ему извѣстенъ уже ученый приѣмъ для опредѣленія относительнаго существованія жизни того или другаго лица, — изъ его трудовъ, изъ ссылокъ на него другихъ. Вѣроятно въ этомъ случаѣ тѣ исторіи, которыми онъ пользовался, съ своей стороны ниѣли подъ руками отдѣльныя біографіи. Не знаемъ какія свѣденія извлечетъ ученый міръ изъ этихъ сказаній для исторіи того времени Индіи вообще, но все таки онъ воспользуется ими; можетъ быть даже одна послѣдняя глава Даранат'ы о художникахъ признана будетъ заслугой, окупающей всѣ прочіе недостатки его исторіи.

Что касается до эпохи, предшествовавшей Аръясангѣ, то къ ней должно относиться съ большей осторожностію. Если мы изъ позднѣйшей эпохи подмѣтимъ, напримѣръ, какъ легенды объ Аръясангѣ, Васубанд'у, или Гунапраб'ѣ варьируются у Даранат'ы противъ Сюаньцзана и у этого противъ болѣе древнихъ источниковъ, то что должны мы заключить о легендахъ, относящихся къ болѣе отдаленному времени? Если справедливо наше замѣчаніе, что еще при Фа-сян'ѣ знаменитая въ послѣдствіи Наланда была незамѣтной мѣстностью, то что думать о тѣхъ разсказахъ, которые соединяетъ Даранат'а съ одной этой мѣстностью?—И по этимъ вымысламъ невольно приходитъ въ голову, не должно ли съ такой же недвѣрчивостію смотрѣть и на другіе подобные разсказы о другихъ мѣстностяхъ, о другихъ личностяхъ. Мы видимъ, напримѣръ, что Наланда присвоиваетъ себѣ всякаго сколько нибудь замѣчательнаго дѣятеля въ будд'измѣ, въ ней должны были жить и Васубанду и Аръясанга и Нагарджуна, что совершенно опровергается другими документами; мы ясно видимъ изъ этого сличенія, что монастыри старались связывать свои легенды съ извѣстными личностями; оттого и біографіи послѣднихъ переносятъ ихъ изъ мѣста въ мѣсто, оттого у Даранат'ы то и дѣло является основаніе

религіозныхъ заведеній, которыя то и дѣло возстановляются. Послѣ этого, какъ же не усумниться, что Шāрипутра и Маудгалъяна, на родилѣ которыхъ была построена Нāланда, были дѣйствительными учениками Шāкъямуни, тѣмъ болѣе, что имъ приписываются извѣстныя Аб'ид'армы даже заставляющія предполагать, что они родились едвали не на сѣверозападѣ Индіи, родилѣ Аб'ид'армъ. Одинъ этотъ фактъ наводитъ насъ на многія историческія недоумѣнія: имя этихъ учителей связано тѣсно съ будд'ійскими книгами, приписываемыми будд'ѣ; почти въ каждой изъ нихъ, даже хйнаянической, кто нибудь изъ нихъ является или вопрошающимъ будд'у, или даже преподающимъ вмѣсто него; значить на редакцію самыхъ книгъ мы должны смотрѣть другими глазами; догматъ, въ нихъ излагаемый, является мѣстнымъ вопросомъ, — мало того, часто книга не имѣетъ въ виду догмата, а мѣстность и лице. Послѣ этого подвергается сомнѣнію самый фактъ о мѣстѣ сподвижничества самого будд'ы, объ этомъ знаменитомъ Ваджрасана, о времени сооруженія кумира Махāб'оди, даже о мѣстоположеніи Капилы, который знаменитый тибетскій Баньчэнь указываетъ гораздо западнѣе. Если мы, при разборѣ возможности происхожденія легендъ о Шāрипутрѣ и Маудгалъянѣ, придемъ къ тому убѣжденію или, по крайней мѣрѣ, предположенію, что этихъ учителей, жившихъ гораздо позднѣе, послѣдователи ихъ должны были поэтому поставить какъ можно ранѣе, потому что всѣ мѣста и всѣ хронологическія времена были уже разобраны, то мы придемъ къ томъ выводу, что будд'измъ двигался не съ востока на западъ, а на оборотъ. Во всякомъ случаѣ, — когда будд'измъ обратился къ припамятованію своей исторіи, въ слѣдствіе распространенія письменности, для которой Дāранат'а приблизительно указываетъ и время, то въ это время онъ уже удалился отъ своего первоначальнаго характера, распространившись на огромномъ пространствѣ перешелъ въ многихъ мѣстностяхъ къ монастырской жизни, которая предполагаетъ уставы и легенды; отъ этого явилось разнообразіе, разногласіе, которое не могло однакожь, благодаря разъединенію, произвести раздоры въ томъ видѣ, какъ ихъ представляютъ будд'исты, а скорѣе подало поводъ къ соглашенію и примиренію, что и выразилось, какъ въ главномъ сходствѣ предписаній виваи, такъ и преда-

ніяхъ о первоначальномъ ученіи будд'ы и его послѣдующей судьбѣ. Мы думаемъ, что мы не можемъ смотрѣть на древній буддизмъ иначе, какъ сквозь призму такъ называемаго третьяго собора, по нашему мнѣнію перваго историческаго и опять: — бывшаго на западѣ!

И такъ, исторія Даранат'ы есть не исторія сама по себѣ, а только документъ, вызывающій на обработку исторіи, сообщающій для нея замѣчательные и рѣдкіе факты. Сверхъ того, она становится еще драгоцѣннѣе тѣмъ, что подаетъ надежду на открытіе исторій еще болѣе автентичныхъ. Уже изъ Сюаньцзая мы знаемъ, что Индіи были не чужды ни исторія, ни описанія страны; — Даранат'а указываетъ намъ теперь положительно на три неизвѣстныхъ доселѣ историческихъ сочиненія, составленныхъ въ самой Индіи, отысканіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, потому что, если авторъ имѣлъ ихъ подъ руками въ началѣ XVII вѣка, то онѣ не могли исчезнуть съ того времени и отыщутся не только въ Тибетѣ, но и въ Непалѣ. Жаль, что до сихъ поръ наши ученые не знали чего искать, или ѣздили туда болѣе неученые.

Мы, можно сказать, почти неожиданно удостоиваемся рѣдкой чести познакомить ученый миръ съ Даранат'ой. Въ то время, когда мы только что еще начинали заниматься восточными языками въ Казани, пріѣхавшій туда въ 1835 году изъ Забайкалья Лама Никитуевъ, кажется, первый сообщилъ нашему многоуважаемому наставнику и извѣстному во всемъ ученоемъ мірѣ профессору О. М. Ковалевскому о существованіи этой исторіи. Самая рукопись была вскорѣ добыта изъ калмыцкихъ степей. Такъ какъ г. профессоръ Ковалевскій не былъ силенъ въ тибетскомъ языкѣ, то Никитуевъ, съ которымъ мы жили для практики въ монгольскомъ языкѣ, на нашихъ глазахъ перевелъ всего Даранат'у на монгольскій языкъ для почтеннаго профессора. Мы были въ полной увѣренности, что честь ознакомленія ученаго міра съ этимъ трудомъ будетъ принадлежать рано или поздно нашему наставнику; — намъ вовсе не приходило въ голову и мысли предвосхищать у него пальму первенства, не только уже потому, что понимали различіе между свойствами собственнаго и его труда, но и потому, что было бы большей неделикатностью и неблагодар-

ностью опережать ученаго, который, для нашей же чести, долженъ былъ пользоваться первымъ шагомъ въ наукѣ. Мы должны были имѣть въ виду и то обстоятельство, что на монгольскомъ языкѣ такъ мало, или почти совсѣмъ нѣтъ, заслуживающихъ вниманія памятниковъ, что грѣшно было бы вырывать изъ подъ руки профессора этотъ матерьялъ.

Поэтому, когда по приѣздѣ въ Пекинъ въ 1840 году мы легко достали тибетскій экземпляръ Даранат'ы и указали на него О. Аввакуму, вывезшему копію для азіятскаго департамента ¹⁾, то вовсе не думали о полномъ переводѣ этой книги, а сдѣлали для себя только краткое извлеченіе, которое при послѣдующихъ занятіяхъ старались дополнять, но все же для узнанія предмета, а не для изданія. Только въ послѣдній годъ пребыванія въ Пекинѣ, когда нами составленъ былъ догматическій лексиконъ Махавъютпатти, сдѣланы были переводы школь и обзорѣніе системъ и буддійской литературы, мы вздумали, что всѣ эти труды, вмѣстѣ съ переведеннымъ нами еще въ 1842 г. Сюаньцзаномъ, не представляютъ достаточной полноты безъ исторіи Даранат'ы. Тогда то мы принялись за полный переводъ Даранат'ы — все еще нисколько не думая его издавать. Это видно даже и изъ первой части нашего Будд'изма, хотя, съ другой стороны, длиннымъ перечнемъ содержанія Даранат'ы, мы какъ бы вызывали ученый міръ на произнесеніе приговора: заслуживаетъ ли это сочиненіе изданія перевода вполне.

Хотя во время десятилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ мы и много занимались будд'измомъ по китайскимъ и тибетскимъ источникамъ, приготовили много трудовъ, которыя надѣялись отдѣлать окончательно въ Россіи, съ помощію европейскихъ источниковъ и европейскихъ ученыхъ, но по выѣздѣ въ отечество, мы получили назначеніе, которое потребовало совсѣмъ другаго рода занятій, отвлекшихъ насъ отъ будд'изма. Притомъ этотъ предметъ такъ мало интересовалъ нашихъ соотечественниковъ, что, когда благо-

1) Вотъ что значитъ обращать вниманіе — можно ходить мимо рѣдкихъ книгъ и не знать ихъ цѣны! Г. Ковалевскій тоже былъ въ Пекинѣ; ему, по знакомству его съ Минчжунъ Хутуктой, котораго мы уже не застали въ живыхъ, было бы легче записаться всякаго рода исторіями, если бы онъ зналъ хоть ихъ тибетское названіе.

даря истинно ученому участию г. Шифнера, былъ изданъ 1-й томъ нашего Будд'изма, то русская критика отнеслась къ нему гораздо хладнокровнѣе, чѣмъ иностранная. Только, когда нашъ Будд'измъ былъ переведенъ на французскій языкъ (впрочемъ съ ошибками какъ и нѣмецкій), и мы увидѣли, что и по прошествіи уже десяти лѣтъ послѣ изданія, нашъ трудъ иногда возбуждаетъ интересъ въ ученыхъ, которые все еще продолжаютъ на него ссылаться, дѣлать изъ него выводы, мы могли вспомнить свои прежніе труды, лежавшіе подъ спудомъ. Особливо, когда стали ссылаться даже на Даранат'у, приводимаго нами только въ выпискахъ и въ сокращеніи, естественно пришло въ голову, не лучше ли же бы было издать всего Даранат'у вполнѣ. Въ этихъ мысляхъ мы и обратились къ г. Шифнеру съ извѣстнымъ письмомъ, напечатаннымъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1866 г. 26 мая № 141¹⁾.

Въ это время нечего уже было падѣяться и на то, что г. Ковалевскій издастъ свой переводъ съ монгольскаго. Этотъ ученый уже почти 15 лѣтъ, какъ оставилъ свою кафедру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь только, когда приступлено было къ настоящему изданію, открылось, какъ много требуется для того, чтобъ издать Даранат'у достойнымъ ученаго міра образомъ, и что нашъ ученый остерегался уронить свою заслуженную славу, издавая ее въ такой формѣ, въ какой мы издаемъ. Да, для того чтобъ дать ученую обработку исторіи будд'изма, надобно было не только хорошо изучить все написанное въ Европѣ, но она требовала еще тщательнаго изученія всѣхъ будд'ійскихъ книгъ. Мы вполнѣ сознаемъ, что не удовлетворяемъ этимъ требованіямъ и являемся не болѣе, какъ простыми переводчиками и то еще не можемъ ручаться, чтобъ нашъ переводъ былъ всюду безошибоченъ. До сихъ поръ въ Европѣ появилось нѣсколькихъ переводовъ съ тибетскаго языка, но то были, по большей части, будд'ійскія сūтры, не такъ трудныя по языку и для повѣрки перевода которыхъ имѣлись или оригиналы на санскритскомъ, или другіе переводы на китайскомъ и монгольскомъ языкахъ. Кто будетъ изучать тибетскій текстъ Даранат'ы, изданный г. Шифнеромъ, тотъ хорошо пойметъ, что

1) См. Записки Имп. Акад. Наукъ. Т. X. книжка 1. стр. 42 засѣданія 19-го апрѣля 1866 г.

здѣсь совсѣмъ другой языкъ, для пониманія котораго существуетъ совсѣмъ другая, совсѣмъ неизвѣстная Европѣ грамматика, что для этого неполны и изданные лексиконы; но, что и со всѣмъ этимъ, все таки ничего не подѣлаешь, если не будешь знать того предмета, о которомъ говорится; а о чемъ не говорится у Даранат'ы!

Мы должны, сверхъ того, сознаться, что желаніе издать Даранат'у вовсе не соединили съ возобновленіемъ изученія Буддизма, или продолженіемъ начатыхъ трудовъ. Это бы отвлекло насъ отъ прямыхъ обязанностей и представляло въ перспективѣ нескопчаемый трудъ, который, при настоящихъ силахъ, едва ли имѣлъ бы желанный успѣхъ; потому мы ограничились желаніемъ издать только то, что у насъ было сдѣлано. Мы почитаемъ для себя и заслугой и достаточнымъ, если бы намъ удалось издать и въ томъ видѣ, въ какомъ оно у насъ есть, все то, что есть у насъ по части буддизма. Теперь, съ возвращеніемъ г. Минаева, изучавшаго въ Европѣ буддизмъ по палийскимъ памятникамъ, есть надежда на осуществленіе этого явленія; но о томъ, что будетъ впередъ, еще нечего загадывать. Что касается до настоящаго труда, то мы должны откровенно и во всеуслышаніе заявить, что безъ участія въ немъ г. академика Шифнера, изданіе его никогда бы не осуществилось. Одно уже возстановленіе санскритскихъ собственннхъ именъ было бы для насъ безъ него невозможно. Кромѣ того, переводъ, сдѣланный нами, былъ писанъ на скорую руку и притомъ тогда, когда уже не было у насъ подъ руками тибетскаго учителя. Въ него неминуемо вкрались неизбѣжные промахи, въ немъ попадались и пробѣлы по случаю неразобранія текста, или просто недоумѣнья какъ перевести данное мѣсто. Г. Шифнеръ прежде всего приступилъ къ изданію тибетскаго текста, провѣряя его по нѣсколькимъ имѣющимся у насъ въ Петербургѣ рукописямъ. И, если мы безъ тщеславія можемъ сказать, что г. Шифнеръ, надѣмая, сознается, что ему во многихъ случаяхъ служилъ большимъ пособіемъ нашъ русскій переводъ, какъ при изданіи текста, такъ и при переводѣ его на нѣмецкій языкъ, то мы должны, не изъ пустаго приличія также, сказать, что свой собственный переводъ провѣряли по тексту, изданному г. Шифнеромъ и его нѣмецкому переводу, обогнавшему нашъ пе-